

Renate Welsh

Dr. CHICKENSOU

 NILPFERD
IN RESIDENZ

Рената Вельш

СУПЧИК ОТ ВСЕХ БЕД

*Перевод с немецкого Александры Горбовой
Художник Дарья Мартынова*

УДК 821.112.2-053.6
ББК 84(4Авс)-44
В28

Вельш, Рената.

В28 Супчик от всех бед : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] / Рената Вельш ; пер. с нем. Александры Горбовой ; худож. Дарья Мартынова . — М. : КомпасГид, 2019. — 240 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-582-1

Мама работает. С утра до ночи. Но всё равно десятилетняя Юлия не может ни на праздник спортивный поехать в соседний город, ни подарок достойный на день рождения однокласснице купить, потому что денег вечно не хватает. Да и дружба ни с кем не складывается — ну а как дружить, если ты ни в кафе после уроков посидеть не можешь, ни в интернете пообщаться? Дома нет даже ноутбука!

Однажды в классе появляется Лейла, в ее жизни тоже много сложностей — она и немецкий толком не знает, записывает незнакомые слова в маленькую книжечку. Но Лейла улыбается и не унывает, и почему-то Юлии становится с ней очень легко, а языковой барьер, вопреки всему, помогает объяснить то, для чего нужны слова никак не находились. И тогда вдруг оказывается, что ее слышат и что поддержка не измеряется купюрами и монетами. А дружба не заводится в чатах и кафе. Она возникает постепенно — из общих тренировок и объяснений простейших вещей, из душевных разговоров и вовремя пойманного взгляда. А иногда — даже из сваренного бабушкой супчика. Он лучше всяких слов дарит любовь и заботу.

Австрийская писательница Рената Вельш (родилась в 1937 году) считается классиком современной детской литературы. Она получила множество престижных наград, в том числе Немецкую молодежную литературную премию и — многократно — Австрийскую государственную премию по детской и юношеской литературе. И это понятно. Похоже, Рената Вельш знает о детях всё, и даже больше того — знает всё о мамах и бабушках, которые в «Супчике от всех бед» ничуть не менее важны, чем младшие герои. Роман получился лёгким и вдохновляющим — и кому-то из читателей среднего и старшего школьного возраста он наверняка раскроет несколько бесценных жизненных истин.

УДК 821.112.2-053.6
ББК 84(4Авс)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Renate Welsh: Dr. Chicken Soup © Wien G&G Verlagsgesellschaft mbH, 2011
© Горбова А.А., перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019
ISBN 978-5-00083-582-1

- Мам, мне нужно два евро.
- Опять? На что?
- В школе сказали принести. К нам придет какая-то тетенька, будет что-то читать...
- Зачем? Вы что, сами читать не умеете?
- Конечно, умеем! Но два евро сдать нужно. И вообще — я опаздываю.
- У меня денег нет.
- Мама отвернулась. Юлия поплелась за ней в ванную.
- Мам, учительница просила...
- Сквозь пену зубной пасты мама прошепелявила:
- Я же скажала: денег нет...

Когда она сплевывала пену, маленький белый пузырек приземлился ей на блузку. Мама попыталась его смахнуть, но только размазала. Получилось пятно.

— Ну вот! Теперь и я опаздываю!

Юлия схватила рюкзак и, не прощаясь, выскочила на лестницу. Дверь за ее спиной захлопнулась, лязгнул замок.

Черт!

Фрау Крониг, старавшаяся впихнуть пакет с мусором в переполненный бак, услышав шаги, обернулась и поглядела на Юлию.

— Ты как будто сегодня не в духе?

— Мне два евро в школе нужно сдать, а у мамы мелочи нет...

— Главное, что у нее деньги покрупнее есть, — и фрау Крониг сунула руку в карман передника.

Юлия с облегчением поблагодарила соседку и пообещала:

— Я завтра верну.

Фрау Крониг кивнула.

— Ладно-ладно. Поторапливайся, а то без десяти уже!

Юлия бежала всю дорогу до школы, на лестнице обогнала учительницу и в классе еще

долго не могла отдышаться. Откуда же взять два евро к завтрашнему дню?

Учительница стала собирать деньги. Тим поднял руку:

— Я дома забыл.

Наверное, правда забыл: для его-то мамы два евро точно не проблема.

— Понятно... Тим у нас как всегда. Хорошо еще, что голова у тебя к плечам приделана, а то бы ты и ее дома оставил.

— Это у нас семейное, — усмехнулся Тим. Он может такое себе позволить. Стоит ему ухмыльнуться, в улыбке расплывается даже завхоз. Никому и в голову не приходит сказать Тиму: «Ну-ка убери эту дурную улыбочку!» А всё потому, что он такой хорошенький нахаленок с красивыми темными кудрями...

Мама вернулась домой только к вечеру. Взгляд Юлии случайно упал на ее ногти: синий лак с белыми цветочками.

— Что ты так на меня уставилась?

В ушах зашумело, в животе закопошилась злорада. Юлия молчала.

«„У меня денег нет“, — говорила мама утром. А на цветочки на ногтях откуда-то нашлись!»

Мама обеими руками оперлась о стол. В лаке на ногтях заиграл свет.

— Послушай-ка меня... Я перед тобой отчитываться не обязана. Ясно?

Кухня медленно закружилась. Юлия повернула голову, мамино отражение в кране над раковиной стало расплываться.

— Долго мне ждать ответа?

Но разве могла Юлия ответить? Казалось, стоит раскрыть рот, из него хлынет жуткий поток — она боялась саму себя.

Мама поджала губы.

Она сказала, что вообще-то не собиралась делать маникюр, это как-то случайно вышло. В конце концов, есть же у нее право иногда немножко побаловать себя или нет? Ведь когда сидишь на кассе, все смотрят тебе на руки, так что сидеть там с обломанными ногтями — просто невыносимо.

— Знаешь, когда я в последний раз себе хотя бы футболку новую покупала?

Мама зашагала по комнате, а потом вдруг резко остановилась, взяла Юлию за плечи и слегка встряхнула:

— Это ужасно несправедливо!

— Ты сказала, у тебя нет денег, — прошептала Юлия.

— Господи боже мой! Это ж не значит, что нет ни цента! Просто выражение такое!

— Да.

Ноздри у Юлии затрепетали. Выражение. Это что, еще одно название для вранья? Говоришь одно, а имеешь в виду совсем другое.

— Нечего мне так дакать!

Юлия кивнула. Мама шагнула к окну, побарабанила по стеклу — звук получился как от града. Потом вдруг снова подошла к Юлии, прижала ее к себе и тут же опять отвернулась, стала собирать крошки со стола.

— Тебя в школе из-за денег ругали?

— Мне фрау Крониг два евро одолжила.

— Ты что, попрошайничала?

— Вовсе я не попрошайничала... Она спросила, что случилось, я сказала, что у тебя мелочи нет. Тогда она дала мне два евро, а я обещала завтра вернуть.

Мама засмеялась было, но смех тут же замер.

— И откуда ты думала взять эти деньги?

— Не знаю.

Мама порылась в сумке, выудила оттуда кошелек и отсчитала Юлии в руку два евро мелкими монетками.

— Просто момент неподходящий, тем более с утра. Утро вообще не лучшее для меня время.

— Вечером я об этом не подумала, — ответила Юлия.

Они уютно сидели перед телевизором, когда задребезжал звонок.

На пороге стояла бабушка.

— Ты почему трубку не берешь? — вместо приветствия спросила она.

— Потому что деньги на телефоне закончились.

— Я же совсем недавно тебе карточку для оплаты приносила, — нахмурилась бабушка. — Я уж подумала, у вас тут бог знает что стряслось!

— Недель шесть назад, не меньше, — попыталась оправдаться мама.

— Ну ты бы хоть сказала!

Бабушка сняла пальто, аккуратно повесила его на вешалку и разгладила складки руками.

— Тебе чай или кофе? — спросила мама.

Бабушка выбрала чай — «только, пожалуйста, не такой крепкий, как в прошлый раз». Мама достала покупной пирог. Ноздри у бабушки сузились.

— Просто понять не могу, почему ты не печешь сама! Это вполонину дешевле выходит, и точно знаешь, что там внутри. Я за всю жизнь ни одного пирога не купила! Всегда сама пекла — даже когда сменами работала.

Мама молчала, закусив нижнюю губу. Бабушка со вздохом опустилась в синее кресло и начала допрашивать Юлию об успехах в школе.

— Если не будешь расслабляться, окончишь школу с хорошими оценками. И в университет поступишь. А то ты ж видишь, что получается, если не учиться как следует...

Мама грохнула чашкой о стол.

— О нем-то ничего не слышно?

«Он» — это отец Юлии. По имени бабушка его теперь не называла. Всегда говорила просто «он» или «этот бездарь», а в моменты особого раздражения — «мошенник».

— Нет.

— Ну да, вот бы сюрприз был! — Бабушка предостерегающе подняла палец. — Вот что

я тебе скажу: если ты ему еще хоть копейку дашь, я сюда больше ни ногой.

Мама сжала губы так сильно, что их стало почти не видно. Бабушка никак не могла простить маме, что та отдала отцу Юлии сберкнижку, когда он основал фирму. Сберкнижку, на которую бабушка месяц за месяцем откладывала деньги, еще с тех пор как мама была маленькой девочкой. И того, что мама выступила его поручителем незадолго до краха фирмы. В том, как бабушка произносила слово «фирма» с раскатистым «р», сквозило презрение. «Быть милой дурочкой, конечно, не запретишь, но творить такое — это уже преступление, будь ты хоть по уши влюблена», — говорила она в заключение всякий раз, когда речь заходила о «нем».

— Вообще непонятно, как в тебя одну столько дурости вмещается, — с нажимом сказала бабушка и на этот раз. — Ты поседеешь и сморщишься прежде, чем с его долгами рассчитаешься. А он тем временем с какой-нибудь мымрой припеваючи живет.

Кончики пальцев у мамы побелели от напряжения:

— С чего ты взяла?

Бабушка в ответ только покачала головой. Потом потребовала мерную ленту. Щеки у нее подрагивали, пока мама в поисках ленты шарила по всем ящикам. В конце концов бабушка взяла кусок бечевки и измерила им длину руки Юлии. Наверняка снова свяжет один из тех свитеров, которые после первой же стирки растягиваются во все стороны и противно болтаются на запястьях. А Юлии хотелось бы свитер, как у Клары, белый и пушистый. Но «ты же знаешь, белый цвет — ужасно непрактично, а такая пушистая шерсть тут же скатается».

Бабушка заговорила о своей новой соседке: «И двадцати нет девушке, а какая умница!» Она всю одежду шьет себе сама и умудряется на крошечном кухонном балкончике вырастить столько овощей, что часть даже раздает соседям.

— Ну а я вот не такая расчудесная, — буркнула мама.

— Зато обижаться горазда, — покачала головой бабушка. — Подумать только, как раньше жили... Я о такой жизни, как у вас, даже мечтать не смела. Я радовалась — по-настоящему,

от души, — если мне платья или туфли от теток по наследству доставались.

— Когда они умирали, что ли? — спросила Юлия.

— Не мели чепуху! Просто так говорят.

Еще одно «выражение». Уголки губ у мамы дрогнули. Иногда Юлия начинала подозревать, что мама умеет читать мысли, и тогда старалась думать потише или — лучше — не думать вовсе.

— А к нам сегодня в школу приходила писательница, читала свои книги.

— В мое время ребята в школе читали сами, — отозвалась бабушка, пожимая плечами. — А если ошибешься, всё предложение десять раз заставляли переписывать. Нынче школа — сплошной детский сад.

— Ну да, и работа по дому — игрушки, я уже слышала, — мама разглядывала свои руки.

Бабушка, опершись на подлокотники кресла, встала.

— По крайней мере, красить ногти нам в голову не приходило.

Она двинулась к двери, уже у порога достала кошелек и положила бумажку в десять евро на полку под зеркалом.

— Это тебе за телефон заплатить.

Наверное, калитка во дворе закрылась за бабушкиной спиной прежде, чем мама сказала спасибо. Почему им вечно нужно ссориться?

Вообще-то легче было это переносить, когда они прямо упрекали друг друга. Чем мама виновата в том, что бабушка всю жизнь много и тяжело работала? С другой стороны, мама почему-то сразу выходит из себя, стоит бабушке начать рассказывать, как она в день стирки вставала в три часа утра, разжигала огонь под большим котлом в подвале, как в кровь стирала руки о стиральную доску, как полоскала в ледяной воде и как тяжело было затаскивать корзину с мокрым бельем на чердак, чтобы там всё развесить.

— У других в нашей деревне тогда уже были стиральные машины, но мы о такой роскоши и мечтать не могли, — говорила бабушка. Юлия представляла себе, как бабушка в клубках плывущего по подвалу пара мешает содержимое котла огромной деревянной ложкой. — Взять все простыни, которые я в жизни перестирала, — дважды вокруг Земли обернуть хватит, — любила

повторять бабушка. То же можно было сказать и о приготовленных ею клецках, израсходованных клубках шерсти и начищенных ботинках. Юлия, когда была маленькой, представляла себе, как бабушка оборачивает Землю простынями, обматывает шерстяными нитками, раскладывает рядочком клецки и расставляет ботинки. Бабушка представлялась ей большой, а мир — маленьким, и всё в нем было в порядке. Маму каждая бабушкина история колола острой шпилькой, словно это она была виновата во всех ее мытарствах. Но если бабушка пару дней не появлялась, мама начинала беспокоиться, то и дело вертела в руках телефон, но всё-таки не звонила. Станные они — обе.

Мама снова сидела перед телевизором и пристально вглядывалась в темный экран. Юлия взяла пульт у нее из рук и не глядя нажала на кнопку.

Над свалкой поднимается желтоватый дым, босоногие дети шныряют вокруг, собирают пластик. За забором кто-то поставил пару жердей и сделал навес из заплатанного брезента — это школа.

— Потрясающе, — сказала мама и отвернулась. — Им стоит прилежно учиться, тогда они смогут читать, что написано на пакетах.

— Может, тогда у них будет работа получше, — отозвалась Юлия.

Мама засмеялась. Смех ее звучал невесело.

Проснулась Юлия с каким-то смутным и неприятным ощущением в животе, но только уже по дороге в школу сообразила, откуда оно взялось. Сегодня опять чертов день рождения! Иде исполняется десять. Она, конечно, принесет потрясающий торт, испеченный собственноручно ее мамой и мастерски, словно опытным кондитером, украшенный — наверняка марципановой гитарой: Ида пару недель назад победила в музыкальном конкурсе. Все будут пищать от восхищения, учительница сфотографирует торт с десятью лучшими подружками Иды вокруг, а на всех переменах только и разговоров будет, что о предстоящем празднике. В первом классе

Юлию на дни рождения еще приглашали, теперь, понятное дело, больше нет. Всё просто: кто приглашает сам, того и другие приглашают. Конечно, некоторые зовут весь класс, ну почти весь, но дни рождения Иды — это всегда что-то особенное.

Например, в прошлом году Ида со своими гостями ходила в цирк, а потом они пили сок вместе с клоуном, и он учил их жонглировать. А на следующий день всем — и кто хотел, и кто нет — показывали фотографии и в мельчайших подробностях рассказывали, как всё было. А какое Юлии дело, пили они свежавыжатый гранатовый сок или неосветленный грушевый и сильно ли удивлялся клоун ловкости Иды? У нее ведь с первого раза получилось жонглировать тремя шариками! На следующий день в школе Ида со скромной улыбкой демонстрировала свое новое умение.

«Мне всё равно туда не хочется, — говорила себе Юлия. — Ида будет один за другим распаковывать подарки у всех на глазах, а гости будут стоять вокруг, хлопать, ахать и охать. Было бы чему удивляться! Даже хорошо, что я туда не иду.

Мне все эти дни рождения даром не нужны. И одноклассники — тоже».

На торте действительно красовалась гитара, только на этот раз не вылепленная Идиной мамой, а в виде фотографии на тонкой марципановой пластинке: Ида в красном платье, в котором она выступала на конкурсе. Юлия быстро взглянула на всё это и стала щипывать сухие листочки с папоротника на подоконнике.

— Я бы и тебя с радостью пригласила, — сказала ей Ида в гардеробе, — но, к сожалению, всех позвать нельзя.

— Понятное дело.

— Ты не обижаешься?

— Я? Нет, конечно! Я бы сегодня всё равно не смогла пойти.

— Мы в оперу идем, — Ида сделала рукой жест, как будто собиралась дирижировать оркестром.

— Я оперу не очень-то люблю, — сообщила Юлия.

Зависть — грех. Даже смертный. Впрочем, ложь — тоже. «Помилуй, Боже, я крал, и врал, и даже кошку за хвост хватал». Откуда всплыла эта чушь? Впрочем, всё равно.

По дороге домой она нашла монетку в десять центов. Отлично! Дальше Юлия шла, внимательно смотря под ноги, но больше монеток не было — только противные окурки и мятые бумажные стаканчики.

Дверь у фрау Крониг была приоткрыта.

— Юлия, это ты там? — слышалось из квартиры. — У меня сегодня суп-гуляш!

Это Юлия и так уже поняла по запаху.

Фрау Крониг взяла ее за руку и потянула за собой на кухню.

— Куртку можешь положить на угольный ящик.

В этом ящике уже давно не было ни крупинки угля. Снаружи он был обклеен газетами, а внутри лежали полиэтиленовые пакеты, пустые банки из-под варенья, смотанные в клубочки остатки бечевки и шпагата, тоненькие резинки в баночке от крема, уже использованная подарочная бумага, несколько обувных коробок с маленькими и совсем крошечными коробочками, сапожными щетками и кремами, стопка чистых глаженных тряпочек и ящик с инструментами покойного мужа фрау Крониг.

— Ты просто не представляешь, сколько можно сэкономить, если ничего не выкидывать, — часто говорила фрау Крониг. — Но нужно, конечно,